

АЛЕКСАНДР ДОБРОВИНСКИЙ

ШЕДЕВРЫ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ИЗВЕСТНОГО АДВОКАТА

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Подарочные издания. Психология

Александр Добровинский

Шедевры и преступления. Детективные истории из жизни известного адвоката

«Эксмо»
2024

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Добровинский А. А.

Шедевры и преступления. Детективные истории из жизни известного адвоката / А. А. Добровинский — «Эксмо», 2024 — (Подарочные издания. Психология)

ISBN 978-5-04-207374-8

«Шедевры и преступления» — это сборник повестей известного адвоката, писателя, коллекционера, гольфиста, публициста и путешественника Александра Андреевича Добровинского. В нем он с юмором, жизнелюбием и присущей ему тонкой сатирой рассказывает об интригах и тайнах мира искусства. Вы будете наблюдать за расследованием самых громких дел о похищениях и подделках, которые будоражили умы на протяжении многих лет. «Из участников тех событий осталось несколько свидетелей. Но они никогда ничего не расскажут, — говорит Добровинский. — Они шедевры живописи и обязаны молчать. Вместо них все расскажу я». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207374-8

© Добровинский А. А., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Коллекция портретов 6
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Александр Добровинский
Шедевры и преступления. Детективные истории из жизни известного адвоката

© Александр Андреевич Добровинский, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Из участников тех событий осталось несколько свидетелей. Но они никогда ничего не расскажут, – говорит Добровинский. – Они шедевры живописи и обязаны молчать. Вместо них все расскажу я».

«Адвокат Александр Добровинский сочинил историю, которую вы начнете читать – и не остановитесь. Самые дотошные из вас будут думать: ну и где же тут заканчивается биография самого Александра Добровинского и начинается чистое безыскусное сочинительство? Везде и нигде».
АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ,
заместитель гендиректора ИД Коммерсант

Коллекция портретов

Из участников тех событий осталось несколько свидетелей. Но они никогда ничего не расскажут. И не потому, что они не видели тех страшных преступлений, предательств и расследования. Не потому, что они чего-то боятся или не имеют права говорить. Они все видели, все знают, и им уже ничего не страшно. Просто они – шедевры живописи и обязаны молчать. Вместо них все расскажу я.

– Привет, студент! Тебе деньги нужны?

Вопрос двадцатилетнему парню, полгода назад приехавшему из Москвы в Париж, звучал издевательски. Это была самая середина семидесятых, и я каждый день наслаждался старой доброй Европой в городе света. Мой дядя жил в Париже с двадцатых годов, знал несметное количество народа, и моя просьба по поводу работы не осталась без внимания. Конечно, после такого вопроса где-то под рубашкой теплилась надежда, что любимый родственник даст тысячи две франков на гулянку. Дядя меня очень любил, говорил, что я на него похож немного внешне и много внутренне, но на этот раз я подарка не дождался.

– Мне позвонили знакомые. Они ищут смышленого молодого человека, который прилично владеет русским, французским и английским языками.

– А что надо делать?

– Понятия не имею. Впрочем, какая тебе разница. Они хорошо платят: никогда не слышал, чтобы работнику в антикварной лавке платили столько денег. Честно говоря, мне за тебя боязно слегка… Не факт, правда, что тебя возьмут. Но попробовать стоит. Или у тебя другие планы на жизнь?

Гениально и нереально одновременно. Не спугнуть бы шанс. В те годы русское искусство было безумно интересно и модно по всему Западу. Особое место занимал пласт под названием «Вокруг Дягилева[1]». Даже не просто «Русские сезоны», а именно все, что имело (и все, кто имел) хоть какое-то, пусть косвенное, отношение к великому продюсеру из Перми. От шедевров давно ушедшего в лучший мир Леона Бакста[2] до живого и здорового на тот момент Сержа Лифаря[3].

Надо сказать, что сам Париж был наводнен антикварными магазинами, специализировавшимися на нашем искусстве. На левом и правом берегу Сены главенствовали в городе две галереи современного искусства легендарной Кати Гранофф[4]. Одна из ее галерей находилась

---

[1] *Дягилев, Сергей Павлович (1872 г., Селищи, Новгородская губерния, Российская империя – 1929 г., Венеция, Королевство Италия) – русский театральный и художественный деятель, меценат. Один из основателей и главных идеологов общества «Мир искусства», организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева», антрепренер. Сыграл одну из решающих ролей в популяризации русского искусства в Европе и мире на рубеже XIX–XX веков. «Открыл» многих талантливых артистов балета, композиторов и художников (Ида Рубинштейн, Вацлав Нижинский, Игорь Стравинский).*

[2] *Бакст, Леон (Бакст Лев Самойлович) (1866 г., Гродно, Гродненская губерния, Российская империя – 1924 г., Париж, Франция) – русский художник, сценограф, иллюстратор и дизайнер. Мастер станковой живописи и театральной графики, участник объединения «Мир искусства» и театрально-художественных проектов С. П. Дягилева. Художник-постановщик спектаклей Русского балета Дягилева «Клеопатра» (1909 г.); «Карнавал», «Шахерезада» и «Жар-птица» (1910 г.). Портретист, известные портреты – Зинаиды Гиппиус, Айседоры Дункан, Жана Кокто.*

[3] *Лифарь, Серж (Лифарь Сергей Михайлович) (1905 г., Киев, Российская империя – 1986 г., Лозанна, Швейцария) – французский артист балета, балетмейстер, теоретик танца, коллекционер и библиофил. До 1929 года танцевал в «Русских сезонах» Дягилева, после его смерти был премьером Парижской оперы. Лифарь также читал лекции по истории и теории балета, был основателем Парижского университета хореографии и Университета танца. Знаменитые балеты с его участием – «Свадебка», «Блудный сын».*

[4] *Гранофф, Катя (Гранова Екатерина Федоровна) (1896 г., Николаев, Херсонская губерния, Российская империя – 1989 г., Париж, Франция) – французская поэтесса, владелица и основательница картинной галереи Larock-Granoff. Кавалер Ордена почетного легиона, офицер Национального ордена «За заслуги» (Франция), награждена Национальной медалью искусств, наук и литературы. Гранофф была первооткрывателем таких талантов, как Жорж Буш, Марк Шагал и других.*

на площади Бове, в ста метрах от президентского дворца, а рядом, в великолепном старинном особняке, располагались сменяющие друг друга министры внутренних дел и их подчиненные. Традиционно каждый вновь назначенный министр должен был в первые же дни засвидетельствовать свое почтение великой соседке. Не менее легендарная Дина Верни[5], хозяйка потрясающей галереи и пантеона великого скульптора Аристида Майоля[6], находилась недалеко от площади Сен-Жермен.

Прямо напротив президентского дворца на улице Фобур Сент-Оноре возвышался над всеми коллегами, может быть, самый известный русский антикварный магазин господина Попова. Известен он был шедеврами живописи и фарфора, и ни один турист, захотевший посмотреть на президентский кортеж и почетный караул, не мог не заметить витрины с картинами Рокотова[7], Айвазовского[8], Боровиковского[9], а также царскими сервизами Николая I и всех трех Александров.

Еще через сто метров по направлению к магазину Hermes во дворе располагалось небольшое гнездо антикварщиков. Шесть или семь магазинов. Среди них милейшая лавочка Нины Кутузовой, специализировавшейся на поповских, гарднеровских и кузнецовских фигурках, а также на ювелирных украшениях XIX века. Чуть дальше, если пересечь рю Руаяль со знаменитым рестораном Maxim's, мельком взглянув направо (здание Национальной ассамблеи) и налево (церковь Святой Мадлен), можно было заглянуть к старику Джанчеву, который, посапывая, сидел в своем уютном удобном кресле, но все видел и слышал. Продажами занимался его сын, феноменальный знаток русской эмали и серебра. Видя хорошего клиента, папа Джанчев отодвигал пятидесятилетнего сынишку и приносил откуда-то из своих дебрей шедевры Фаберже. Если сделка происходила удачно, папа Джанчев возвращался в любимое кресло, и сон наступал с улыбкой на лице хозяина, а в случае, если сделка не срасталась, это был просто сон. Полчаса пешком по этой же улице – и мы натыкались на магазин «Санкт-Петербург». Владелец был из эмиграции начала семидесятых, и невзрачность обстановки компенсировалась всегда хорошим подбором книг, изысканными редкостями и двумя красивыми дочками.

Напротив главного православного собора Парижа находились два пользовавшихся популярностью заведения: ресторан «Петроград» с вкуснейшими пирожками и антикварная лавка

---

[5] *Верни, Дина (Айбиндер Дина Яковлевна) (1919 г., Кишинев, Королевство Румыния – 2009 г., Нёйи-сюр-Сен, Франция) – французская натурщица и галеристка, искусствовед, певица, муза скульптора Аристида Майоля. Кавалер ордена Почетного легиона. Верни позировала также Матиссу, Боннару, была знакома с Бретоном, Дюшаном, снималась в кино вместе с Жаном-Луи Барро и Бернаром Блие. Выступала в эстрадном коллективе «Октябрь». Дина Верни – соавтор многочисленных альбомов и каталогов современных художников, в том числе Сержа Полякова, Эрика Булатова, Андре Бошана. Известна также как коллекционер антикварных кукол. Ее коллекция признана одной из лучших в мире по своему художественному уровню.*

[6] *Майоль, Аристид (1861–1944 г.г., Баньюльс-сюр-Мер, Ле-Пертю, Руссильон, Франция) – французский скульптор и живописец каталонского происхождения. Известные работы – «Леда», «Ночь», «Мысль», «Флора». Три бронзовые скульптуры работы Майоля украшают парадную лестницу здания Метрополитен-опера в Нью-Йорке: «Лето», «Венера без рук» и «Женщина на коленях: памятник Дебюсси».*

[7] *Рокотов, Федор Степанович (1735 г., имение Воронцово, ныне в черте Москвы–1808 г., Москва, Российская империя) – русский живописец, крупнейший московский портретист русского классицизма эпохи царствования Екатерины II, составивший также портретную галерею московской знати этого периода. Академик Императорской Академии художеств (с 1765 г.). Известные работы – «Портрет Г. Г. Орлова», «Портрет А. П. Струйской». Из-под его кисти вышли целые фамильные галереи (например, графов Воронцовых).*

[8] *Айвазовский, Иван Константинович (Айвазян Ованнес) (1817–1900 г., Феодосия, Таврическая губерния, Российская империя) – представитель русской живописи, выдающийся маринист, коллекционер и меценат. Живописец Главного морского штаба, действительный тайный советник, академик и почетный член Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге, почетный член Академий художеств в Амстердаме, Риме, Париже, Флоренции и Штутгарте. За свою жизнь художник устроил порядка 125 персональных выставок в России и за рубежом. Известные работы – «Неаполитанский залив», «Исаакиевский собор в морозный день», «Девятый вал».*

[9] *Боровиковский, Владимир Лукич (1757 г., Миргород, Гетманщина— 1825 г., Санкт-Петербург, Российская империя) – русский художник, мастер портрета, академик Императорской Санкт-Петербургской академии художеств. Творчество В. Л. Боровиковского являет собой слияние развивавшихся в одно и то же время стилей классицизма и сентиментализма. Известные работы – «Портрет Е. А. Нарышкиной», «Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке», «Портрет М. И. Лопухиной».*

господина Сияльского. Хозяин занимался книгами и военными артефактами: погоны, нагрудные полковые знаки, ордена, униформы, оружие и так далее. Все, что связано с оружием и военными штуками, предлагали и в галерее Горчакова на втором этаже антикварного центра Лувр.

На бульваре Монпарнас находился чудный и какой-то интеллигентный, что ли, антикварный салон Брюллова. Около бульвара Сен-Жермен – букинистический магазин «Каплан и сыновья». А подальше – знаменитая ИМКА-Пресс, книжное издательство, возглавляемое Никитой Струве[10]. Но там же можно было найти раритеты. Даже на блошином рынке была пара магазинов, тонущих в страстях русского искусства. Один назывался «Гори, гори!», с очаровательной хозяйкой Еленой Задорной. Она время от времени брала гитару и очень приятным голосом напевала: «Гори, гори, моя звезда…» Вторая лавочка с вновь прибывшей из Москвы девушкой по прозвищу Чита была маленькой, но бойкой. Кроме всего вышеперечисленного, существовали в Париже еще несколько галерей с иконами и штук пять магазинов, особого внимания не заслуживающих.

Дядя протянул мне бумажку с номером телефона и именами: Виктор и Виолетта Пахомовы.

Оставалось только позвонить и назначить встречу.

Это была не беседа с помощником, желающим подработать у скучающих старичков пару дней в неделю. Нет… Это был самый настоящий допрос человека, который хочет устроиться шифровальщиком в КГБ, Моссад, МИ-6 или, на худой конец, в ЦРУ.

Огромный двухэтажный магазин представлял собой невероятное сборище всего того, что можно было себе вообразить у дилера антиквариата с тягой к старьевщику. Здесь было все: книги, рукописи, картины, ковры, гобелены, фарфор, бронза, художественное стекло, мебель и даже кружева.

Я с удивлением смотрел по сторонам, мало обращая внимание на то, что допрос довольно быстро набирал обороты:

Где я родился?

Как хорошо я знаю языки? А почему я не знаю немецкий?

Почему я разбираюсь в антиквариате?

Кто мои родители?

Зачем мне работа?

Что я делал в Москве ровно год назад?

Кем я хочу стать?

И еще штук сто идиотских вопросов. Потом все то же самое на английском. Чашка кофе, и еще разок на французском. Мне стало уже интересно. Я заметил, что хозяин, который на вид был ровесником фараона (хотя дядя мне сказал, что его друзьям нет еще и шестидесяти), говорил на прекрасном и очень чистом (что вообще у эмигрантов редко встречается) русском языке, а Виолетта, которая внешне казалась немного старше своего мужа, с каким-то явным акцентом. И еще Виктор едва заметно хромал. Что же касается госпожи Пахомовой, то, несмотря на возраст, ее фигура могла вызвать зависть даже у двадцатилетних красавиц.

---

[10] *Струве, Никита Алексеевич (1931 г., Булонь-Бийанкур, Франция— 2016 г., Масси, Эсон, Иль-де-Франс, Франция) – французский русист, издатель и переводчик, публицист, исследователь проблем русской эмиграции и культуры России. Большое влияние на Никиту Струве как исследователя истории русской культуры оказало личное общение с Иваном Буниным, Борисом Зайцевым, а впоследствии с Анной Ахматовой, Александром Солженицыным. Главный редактор журнала «Вестник русского христианского движения». В 1978 году возглавил крупное русскоязычное европейское издательство YMCA-Press. С 2001 года был главным редактором издательства «Русский путь». Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1999 г.) за сохранение и пропаганду культурного наследия русского зарубежья в России.*

Когда допрос был закончен, пара попросила меня посидеть внизу, а сама отправилась на антресоль, где началось пятнадцатиминутное шептание. Я напряг слух, как только мог, но сверху долетали лишь жалкие обрывки фраз:

«Мы знаем его дядю с…», «Это разные…», «Если он умный, то по вопр… все понял», «Как хочешь, можем еще поиск…», «Мы уже не справимся…», «Ты уверена…»

Становилось понятно, что по каким-то параметрам я этим психам не подхожу.

Погрустневший дядин протеже допил свой кофе, доел печенье и встал навстречу шаркающим сверху шагам. Спустилась только Виолетта, Виктор остался наверху писать что-то.

– Мы берем тебя на работу с испытательным сроком в месяц. Однако надо запомнить следующие вещи: никогда не вступать в разговор с клиентом или с кем-либо, кто сюда зашел, без нашего обращения к тебе или разрешения. Никогда не реагировать на то, что здесь происходит, что бы это ни было. Если нас будут грабить, вот здесь тревожная кнопка в полицию. Но лучше ее не нажимать: ничего хорошего от легавых ждать нельзя. Тебя интересует, что у меня за акцент. Не ври, я вижу, что интересует. Я родилась в Эльзасе, мой родной язык немецкий. В тридцать первом я переехала в Париж и познакомилась с Виктором. У него уже был этот магазин, и в основном все клиенты были из России. Мне действовало на нервы, что я ничего не понимаю, и я пошла учить язык в институт восточных языков. Через год мы поженились. А вообще, чем меньше ты будешь задавать вопросов, не связанных с работой, тем лучше. В первую очередь для тебя. Теперь о том, что надо делать. Твоя задача – каждое рабочее утро покупать нам две газеты. Мужу – Le Figaro, мне – L'Humanité. И три круассана с маслом. Два нам, один тебе. Также тебе придется классифицировать и описывать вещи. Но работа бывает разная. В подвале находится библиотека. Когда дойдут руки и время, там надо тоже разобраться. Мы поставили туда стол и стул. Туалет здесь и в подвале. Кофе здесь. Теперь к делу. Недавно вышло постановление, по которому все предметы из драгоценных металлов, продающиеся в антикварных магазинах, должны иметь французскую пробу, чтоб они там все сгорели. Я имею в виду не вещи, конечно, а чиновников. Приходится описывать каждый предмет и указывать этим идиотам, где ставить пробу. Иначе они могут поставить ее на эмали, посередине портсигара и тому подобное. Думаю, что делают это нарочно. Портят, и все. Вредители. Тебе нужно описывать предмет и точно указывать расположение будущей пробы. Так мы сможем избежать французского вредительства. Понятно? И еще: то, что ты здесь увидишь и услышишь, должно оставаться здесь. Работать начнешь прямо сейчас. Если что-то не устраивает – вот дверь.

«Точно психи», – решил я. Но деньги были нужны кровь из носа, и я согласился.

Единственное, меня смущало полное отсутствие в обозримом пространстве любых предметов, хотя бы издали напоминающих драгоценные металлы. Но, в конце концов, психи есть психи. Тем не менее день был полон сюрпризов. Виолетта поднялась наверх, долго ковырялась в какой-то каморке и, наконец, спустившись, положила передо мной на стол четыре невероятной красоты золотых портсигара. Два – Фаберже и два – просто непонятного ювелирного, но явно русского дома. Потом постояла надо мной, забрала изделия Фаберже, положила их в карманы жуткого синего передника и, буркнув: «Начни вот с этих», удалилась в глубь первого этажа.

Через час зашла пара людей. Я перестал печатать, поймал на себе одобрительный взгляд госпожи Пахомовой, заметил, что Виктор наверху даже не шелохнулся и уткнулся в свою рукопись. Разговор шел по-французски:

– Пожалуйста, входите. Вы ищете что-то конкретное? Если да, скажите, и я в этих дебрях попробую найти вам шедевр.

– Добрый день, мадам. Нет, ничего такого определенного мы не ищем. Нам нужен подарок для друзей на свадьбу.

Слева над моей головой свисал типично французский небольшой пейзаж с желтеньким коровником или сараем на фоне живописной лужайки. На мой взгляд, полный отстой. Между тем Виолетта, поймав взгляд мужчины, абсолютно неожиданно для меня сказала:

– О, не обращайте внимания на молодого человека. Это дальний родственник моего мужа. Мальчик только что приехал из России: ни одного слова по-французски. Но мы же должны помогать эмигрантам, не правда ли?

– Да, несомненно. Скажите, а сколько стоит эта картина?

Гнусный пейзаж над моей головой имел успех.

– Простите, я плохо слышу. Возраст. Что вы сказали?

– Сколько стоит эта картина, мадам? – К двум октавам выше предыдущей беседы прибавился еще «перст указующий».

– Ой, я не знаю. Всеми ценами владеет мой муж. Сейчас спрошу.

И дальше также на французском:

– Дорогой, скажи, сколько стоит эта желтая картина в углу над столом?

Громкий голос сверху:

– Какая корзина?

– Извините, он ничего не слышит. Оторвись уже от своих бумаг. Картина желтая, в углу над Александром! Сарай или свинарник.

– А… подожди. Мы ее купили в шестьдесят втором за восемь тысяч. Десять – крайняя цена, дорогая. Не отвлекай, я весь в бухгалтерии.

И вот тут, обернувшись к покупателям, сморщив лицо до неузнаваемости, Виолетта внезапно для дальнего родственника из России спросила:

– Простите, я не расслышала, что муж сказал. Четыре тысячи?

Я сидел каменный, как Наполеон на лошади в противоположном углу магазина.

В красивом венецианском зеркале отражались лица покупателей.

У мужчины слегка дрогнул глаз. Что же касается дамы, то она, едва одернув своего спутника, быстро сказала:

– Да, мадам. Франсуа, отсчитай четыре тысячи. Заворачивать не надо, мы очень торопимся.

Когда колокольчик на двери обозначил, что пара исчезла с глаз, Виолетта, показывая «родственнику из России» оттопыренный большой палец, крикнула мужу наверх:

– Запиши! Рухлядь с блошиного рынка, которую ты купил месяц назад за пятьсот франков, продана за четыре тысячи!

– Что ты орешь? Я все слышал. Александр подумает, что я действительно глухой. Пойдем съедим по салату в кафе за углом. Саша, ты с нами?

…За неделю я переписал все изделия, и мы с Виктором отправились в Пробирную палату на его стареньком, но по-прежнему элегантном СХ. Я работал через день, иногда чаще, и быстро освоился с терминологией поручений, а также необычным поведением хозяев. Эта пещера Али-Бабы пользовалась у парижан большим успехом. Я был поражен, но не было ни одного дня, чтобы супруги не продали бы пять-шесть вещей разным клиентам, причем большей частью вполне приличного качества. Надо отметить, что то ли у Пахомовых был отличный вкус, то ли они хорошо знали и чувствовали конъюнктуру рынка, но факт остается фактом.

Торговля шла просто семимильными шагами. Время от времени к Виктору и Виолетте заходили какие-то странные люди. Все вместе они удалялись на антресоль и о чем-то подолгу шептались. Я решил, что речь наверняка идет о торговле краденым, но совать нос в чужие дела совершенно не хотелось, тем более что мне достаточно хорошо платили, и я занимался интересной и познавательной для себя работой. Так, после того как я закончил с золотыми изделиями, мне поручили классификацию русских книг и раритетных изданий XVIII века. Это было уже занятие, требующее знаний и навыков. Иногда Виктор проверял работу, едва поправ-

ляя молодого и, скажем откровенно, самонадеянного служащего. Было увлекательно разговаривать, периодически вступая в спор с хозяином. Пахомов удивлялся, откуда я набрался всех этих знаний, очевидно, считая, что в Советском Союзе мы читаем и собираем только труды Ленина. Я мысленно благодарил дедушку за московские семейные уроки и за чудесную библиотеку, которую тот собрал за многие годы.

Так прошло почти несколько недель. Помимо книг, я получал еще массу разных заданий и даже удосужился в отсутствие хозяев совершить пару удачных продаж.

Итак, покончив с внушительным книжным шкафом, я обратился к Виктору за новой работой. Минут через двадцать мне выдали папку с черно-белыми фотографиями картин, и Виолетта, не отрываясь от чтения какого-то научного журнала, даже не объяснила, а как-то продиктовала задание:

– Нас интересует все, что связано с этой коллекцией. Надо определить всех художников, происхождение работ, что известно об их судьбе в настоящий момент, все несостыковки и загадки вокруг этих полотен. Кто собрал эту коллекцию? Кому продал? Или она была больше и разошлась по рукам. Считай, что в наличии есть только эта папка. Действуй, Александр. Походи по городу. Узнай, что можешь. Мужу предлагают купить эту коллекцию какие-то подозрительные люди. Поспрашивай. Не надо говорить, где ты взял эту папку. Понятно? Иначе или цены взлетят, или покупка сорвется. Как только что-нибудь раскопаешь, сразу расскажи или мне, или Виктору. И не стесняйся обращаться за помощью. Когда понадобится. Но не морочь нам голову по пустякам. Ясно?

Тоненькая папка, которая легла на мой рабочий стол, была старой и основательно потертой. В верхнем правом углу выцветшими чернилами была обозначена совсем непонятная надпись, состоявшая из букв и цифр.

Настоящий шифр, хотя, скорее всего, простая кодификация. Внутри находились тринадцать черно-белых фотографий каких-то картин и в конверте еще одна фотография… фотографии. На обороте каждого снимка, включая тот самый конверт, были аналогичные надписи с добавлением в конце римских цифр. От одного до четырнадцати. Собственно, с этого и начинались секреты старой папки. Дело в том, что еще до изучения криминалистики я более-менее разбирался в характерах почерка. И в данном случае я практически уверенно мог предположить, что на папке, равно как и на всех листах внутри, почерк хозяина нашего магазина – старика Виктора. Дело в том, что и тут, и там валялись страницы, исписанные, по его собственным словам, им самим. Это были давние почеркушки с описанием предметов, заметки для аукционных домов, черновики переписки с какими-то официальными организациями и тому подобная ерунда. Все это создавало у покупателей очень нужное ощущение легкого беспорядка, столь необходимое для успешной пахомовской торговли.

Некоторые цифры и буквы были весьма характерны, и тут не нужно было быть Шерлоком Холмсом. Тихонько сравнив почерк и убедившись в своей правоте, в юной голове возник каскад, казалось бы, незначимых, но для меня тревожных вопросов. Если это Виктор классифицировал каким-то образом всю эту муть, то почему никто мне об этом не сказал? И другой вопрос, не менее сложный. Все надписи явно нанесены его рукой много-много лет назад. Просто чернила давно поблекли. Чтобы понять это, не надо быть семи пядей во лбу. Тогда почему именно сейчас папка заинтересовала Виолетту и ее мужа? Что-то случилось в последнее время с этой коллекцией? А не взяли ли случайно меня на работу из-за нее? Дальше становилось совсем все странно. Все работы на фотографиях, принадлежавшие разным авторам (это просто бросалось в глаза), изображали одну и ту же девушку. Узнаваемость черт героини была поразительна, неважно, в каком стиле был написан портрет: в манере кубизма, сюрреализма или наива. Везде была она. Одна из работ уж очень сильно смахивала на творчество Пикассо[11],

[11] *Пикассо, Пабло (1881 г., Малага, Испания–1973 г., Мужен, Франция) – испанский и французский художник, скульптор,*

другая – на Хаима Сутина[12]. Два дорогих и всемирно известных имени бульвара Монпарнас начала века.

История, как мне показалось, попахивала гнильцой. Мне что-то не договаривали или, говоря по-русски, водили за нос. Зачем? Или, вернее, для чего? Я хорошо понимал, что ничего не понимал. Что здесь происходит? Скупка краденого? Я в центре какой-то банды или на ее периферии? Пройдясь глазами по всем стенам и полкам, я точно был уверен в одном: ни одной из этих картин здесь нет. Тогда где же они? Время шло к семи вечера, и я тихонько сворачивал свои бумаги, успокаивая дребезжащие в голове мысли. Завтра свободный день. С улыбкой вспоминалась школьная привычка: не очень хорошо выучил урок – положи тетрадку или учебник на ночь под подушку.

Встав из-за стола и попрощавшись с тухнущим на антресоли Виктором, я пожелал доброго вечера Виолетте и уже собирался достать любимые сигареты «Житан» с зажигалкой, как вдруг… Она просто неуклюже повернулась ко мне. Такое приходит с возрастом, когда твои движения перестают быть кошачьими, когда суставы больше не подчиняются музыке Шопена, а докучают тебе, как тяжелый рок, когда нелепость движения становится сродни оставшемуся малюсенькому желанию где-нибудь нашалить. Ты неуклюж и больше не спортивен. Но ведь ты еще жив, и это самое главное. Короче говоря, Виолетта повернулась ко мне всем телом и случайно смахнула своей большой шалью некий предмет, до поры до времени мирно лежавший на столе. В процессе падения на пол с мирным предметом происходила быстрая и довольно неприятная трансформация: во-первых, он резко переставал быть мирным, а во-вторых, из-за этого все мое тело мгновенно покрылось липкой испариной. Я не разбираюсь в оружии и не люблю его, но, благодаря шедевру Татьяны Лиозновой[13], я точно понимал, что на полу лежит немецкий пистолет системы «Вальтер». Самый настоящий. Страх подсказывал мне, что реагировать надо спокойно и чуть глуповато. Иначе все может пойти решительно не в том направлении, как мне хотелось бы в жизни. В долгой и счастливой. Я начинал серьезно побаиваться этих людей:

– У вас упал пистолет, Виолетта. Не поцарапайте. Вы же сами говорили, что клиент всегда ищет трещину, царапинку, чтобы снизить цену. Вам помочь? Нет? Доброго вам вечера. До послезавтра.

Теперь надо спокойно постоять перед входом. Закурить, небрежно потянуться, всем видом показывая: «Я не знаю, что произошло, вы о чем? Ах да, какая-то штука упала со стола».

«Что же происходит в этом доме и когда мне лучше делать отсюда ноги?» Я ехал в метро на свидание к своей Даниэль, но мысли были далеко не романтические. На ночь я даже не стал класть под подушку эту дурацкую папку: надо было постараться сообразить и проанализировать, куда я вообще попал. Проще всего было посоветоваться с дядей, но он гарантированно запретил бы мне приближаться к этой парочке на километр. Генетический набор гнал меня куда-нибудь подальше от Виктора и Виолетты, тогда как мальчишество и страсть к приключе-

---

график, театральный художник, керамист и дизайнер, основоположник кубизма. Прошел в своем творчестве несколько этапов: «Голубой» период (темы старости и смерти, образы печали, известные работы – «Ребенок с голубем», «Любительница абсента»), «Розовый» период (образы живого мира театра и цирка, «Семья акробатов с обезьяной»), кубизм («Аккордеонист», «Гитара и скрипка»), сюрреализм («Сидящая купальщица», «Женщина в кресле»). Для труппы Дягилева Пикассо оформил 6 балетов («Парад», «Треуголка»). Знаменитые работы – «Голубь мира», «Герника», «Девочка на шаре», «Дон Кихот».

[12] *Сутин, Хаим Соломонович (1893 г., Смиловичи, Игуменский уезд, Минская губерния, Российская империя–1943 г., Париж, Франция) – белорусский и французский живописец, один из крупнейших мастеров Парижской школы. Стиль живописи – экспрессионизм. Картины Сутина представлены в крупнейших музеях Франции, США, Израиля, Швейцарии. Несколько картин есть в коллекциях музеев России (Эрмитаж), Австрии, Дании, Японии, Великобритании. Большое количество работ находится в частных коллекциях в США, Франции, Японии. Известные работы – «Большие луга в Шартре», «Ева», «Уснувшая читательница, Мадлен Кастен».*

[13] *Лиознова, Татьяна Михайловна (1924 г., Москва, СССР–2011 г., Москва, Россия) – советский кинорежиссер, сценарист, педагог; народная артистка СССР (1984 г.), лауреат Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых 1976 года. Известные работы – «Карнавал», «Три тополя на Плющихе», «Семнадцать мгновений весны».*

ниям заставляли немного притормозить побег. Сна не было ни в одном глазу. Дядя, похрюкивающий в своей кровати, не подозревающий, что я о нем думаю, отпал в качестве источника информации. Можно, вооружившись пачкой фотографий с этой страхолюдной теткой, пойти по другим галереям. Кто-то наверняка рано или поздно откроет мне тайну черно-белой героини. Однако если картины ворованные, то вся гадость со мной может произойти скорее рано, чем поздно, и как поведут себя в такой ситуации Пахомовы, одному Богу известно. Могут на меня все и повесить. Подожди, подожди… Повесить что?

Тупик. Надо зайти с другой стороны. Я работаю почти два месяца. Кроме клиентов, кого я там видел? Начнем по порядку. Вчера был некий старичок с внуком (с внуком?), пришел вечером перед закрытием. Они все (кроме внука) долго обнимались, даже всхлипывали, и потом произошел кое-какой обмен.

Пахомовы отдали внуку увесистый сверток с картинами. Старичок достал из портфеля пухлую пачку денег и передал ее Виктору. Именно Виктору. Имеет ли это значение? Если в свертке хорошие картины, то пачка маленькая. А если плохие? Если плохие, зачем там все распускали нюни на полчаса?! А потом еще в красивой бронзовой вазе ар-нуво долго что-то жгли.

Точно жгли все вчетвером. Стоп. А откуда взялся этот дурацкий пакет? Правильно, в четыре часа дня Виктор остановил свой автомобиль около магазина, под бесконечные гудки беснующихся сзади машин занес пакет и еще один поменьше в галерею, поставил около Виолетты и поехал искать место для парковки. Знать бы еще, где он их взял, эти пакеты, было бы очень неплохо. Когда меня попросят залить бензин в «Ситроен», надо будет как следует обшмонать машину. Любопытно, Виолетта в курсе, что такое «обшмонать тачку»?

А что они еще говорили? Слышно было плохо. Нет, помню одну фразу: «Девочка, конечно, ваша по праву». Скупаем ворованное, так еще и у нас детский труд в почете? А не педофилия ли тут налицо? Надо делать ноги. Сто процентов.

Также несколько раз приезжали какие-то уж очень странные типы. Причем их появлению предшествует целая долгая церемония. Сначала прямо у магазина останавливается машина. Оттуда появляются два человека, со всеми здороваются, осматривают каждый уголок магазина, затем один исчезает, а второй остается. Им лет по тридцать или меньше, не знаю. Худые, спортивные, подтянутые и неулыбчивые. Через двадцать – тридцать минут подъезжает другая машина. В галерею заходят двое пожилых, хорошо одетых месье. Меня знакомили с ними. Месье Паранки́ и месье Фабиани́. Эти двое всегда улыбаются, шутят, приносят с собой разные вкусные штучки. В основном сыры, глазированные фрукты и пирожные. И обязательно пару бутылок чего-нибудь. Анисовая водка и кальвадос, анисовая водка и коньяк, анисовая водка и просто хорошее вино. В любом наборе неукоснительно присутствует анисовая водка. Они очень изысканно одеты, можно сказать, с иголочки. Несмотря на возраст, в хорошей форме. Магазин закрывается. Хозяева и гости садятся за стол и о чем-то разговаривают. Часа полтора-два. Я сижу в своем углу и никому не мешаю. Что смешно, каждый раз к их приходу Виолетта надевает на себя что-то фиолетовое. Так, чтобы играло с именем. То шарфик, то маленькую шляпку, то платье или туфли. Вообще-то ей этот цвет идет. Тоже мне, кокетка в шестьдесят…

Кто они, я не знаю. Но очень смахивают на мафиози. Регулярно передают моему дяде привет. Я регулярно забываю вовремя ему об этом сказать.

Еще пару раз приходили какие-то люди, чего-то требовали, говорили на повышенных тонах. Виолетта не вмешивалась. Виктор был очень спокоен и все время рассказывал про какие-то документы и доказательства. Больше ничего выдающегося и интересного я не помню. Как всю эту белиберду сложить в целую картину, понятия не имею. Пора валить.

Следующий день выдался больше автомобильный, чем антикварный.

Сначала Виолетта попросила меня отвезти машину на мойку и заправить.

Это был шанс. Пока меня со всех сторон утюжили щетки, мыли с мылом и поливали водой, я залез в бардачок и во все карманы дверей. Любопытство было удовлетворено частично. Я нашел то, что ожидал, и обнаружил то, что не ожидал никак.

В левом кармане рядом с сиденьем водителя валялось несколько скомканных бумажек. Чеки с заправок на дороге Париж – Женева. Последний чек швейцарской заправки был датирован утром того дня, когда тяжелый сверток передавали внуку, а другой, не разворачивая, поставили отдыхать в углу. Заправка находилась в кантоне Женева.

Но самое неожиданное я обнаружил в бардачке. Это была колодка фрачников, состоящая из пяти предметов: двух орденов и трех медалей.

В этом я уже отлично разбирался. Ношение фрачников в России до революции было распространенной практикой. Происходит название от миниатюрных копий наград, надевавшихся на фрак вместо громоздких и увесистых оригиналов. Потом их стали цеплять на костюмы и платья, но название прижилось. В Советском Союзе фрачники исчезли и были заменены на колодки. А вот в странах Западной Европы традиция осталась. Набор из бардачка был впечатляющий: Орден Освобождения, Медаль Сопротивления, Крест добровольцев Сопротивления и что-то еще, чего я не знал. Удивительная находка.

Если предположить, что владелец еще жив, а после окончания Второй мировой войны прошло «всего лишь» тридцать лет, то тогда для чего он отдал Пахомову свои ордена? Если он умер, и ордена продали нерадивые наследники, то почему они продали только не очень нужные фрачники, а не настоящие с документами? И почему они здесь, а не в магазине? И зачем их вообще покупать? Это же не антиквариат, им лет двадцать – двадцать пять от силы. Носить не свои ордена, насколько я знаю, уголовно наказуемое деяние.

С другой стороны, а что делать в Швейцарии обыкновенному антик-дилеру? Он же не на лыжах ездил кататься: утром уехал, днем покатался, вечером вернулся. На лыжном костюме фрачники тоже не смотрятся. Так для чего нужны эти поездки? Отмывать деньги? Прятать ворованное? Тогда и ордена понятны: надевал на пиджак при переезде пограничного пункта все эти штуки, чтобы у него не обыскивали машину. А ведь кто-то кровью зарабатывал награды. Противно.

Тем временем я привез заправленный и блестящий «Ситроен» под самые окна магазина. Оказывается, без меня уже позвонил дядя и попросил отпустить меня на полдня. По его личным делам. Спорить с родственником никто не стал.

Виктор попросил меня завтра утром купить новый справочник – план Парижа.

Очень удобная книжка. Все улицы города в списке по алфавиту по номерам домов от пересечения до пересечения. Все подробно и доходчиво.

Магазинный довоенный план города давно надо было выбросить в помойку. Он весь истрепался, потерял много страниц, а также появились новые названия. Площадь Stalingrad до войны в Париже не существовала. Это как пример.

– Два сандвича с сыром, два бокала божоле, один кофе! – Наш заказ голосом официанта перекрыл на мгновение шум кафе.

– Дядя Саша, мы, кажется, посмотрели все варианты. Что ты решил?

– «Пежо» – очень хорошая машина, но мне не нравится внешне. Потом, эти детские игры с нумерологией: 505, 304, 408 с вечными нулями посередине мне действуют на нервы. «Матра» – классный автомобиль, но, по-моему, скоро перестанет существовать. Японки стали сейчас модными, но они пока не слишком престижные. Остались «Альфа Ромео» и «Ягуар».

– Тогда уж БМВ? Или тебе не нравится?

– Нравится. Но не куплю.

– Не понял. Если нравится, почему не купить?

– Не хочу. Меня на БМВ везли в гестапо.

– Ничего себе. Мне мама говорила, что ты был в маки. А как ты туда попал?

– Если б я не ушел в партизаны, меня бы увезли как еврейского парня в концлагерь. Это были самые страшные пять лет в моей жизни… Но без этих пяти лет жизни вообще бы не было.

– Дядя Саша, да ты просто герой! Расскажи.

– Нет. Не буду. То, что я помню, я хотел бы забыть. И уж точно многое вспоминать не хочется.

– А гестапо? У вас был предатель?

– Был. Хотя ошибка и предательство – это практически одно и то же. Но мне удалось бежать от немцев. Чудом.

– А вы нашли предателя? Вы его судили?

– Нет, не судили. Он умер. Саш, дорогой, что ты хочешь от меня? Я не люблю говорить обо всем об этом. В маки было полно коммунистов, это были настоящие бойцы и патриоты. Ты приехал из СССР, это коммунистическая страна, не знаю, такие же там живут ребята, с которыми я провел военные годы, но, если такие, ты должен ими гордиться. Все. Я не люблю говорить на эти темы. Хочешь пирог с яблоками?

Надо было срочно сменить направленность разговора. Ругаться с родным человеком из-за истории Второй мировой войны мне не хотелось.

– Скажи, пожалуйста, а ты случайно не можешь предположить, кого из известных девушек Парижа где-то в первой половине двадцатых годов могли рисовать разные великие и не очень великие художники?

– Может быть только один вариант. Другого нет. Зато могу рассказать тебе все. Мы даже были знакомы и часто перебрасывались шутками в кафе «Ротонда». Ты уже знаешь эту «пристань» на углу бульваров Распай и Монпарнас? Там делают дивное горячее вино с корицей. Обязательно сходи. А теперь о твоей выдающейся барышне. Странно, что в Москве о ней не говорят. Иначе ты со своей светлой головой таких вопросов не задавал бы.

Алиса Эрнестина Прен[14] была очень необычной девушкой. Начнем с того, что она никогда не была пожилой и никогда не старела. В ее жизни намного больше загадок, чем простых и понятных явлений. Родилась в провинции в начале XX века у матери, которая была или служанкой в дешевом отеле, или официанткой в привокзальном кафе. Отец? Явно, что отец был, но кто он и каким путем появился, а потом исчез из жизни матери, никто не знает. Поговаривали, что это был очень известный и состоятельный человек, совративший буквально на пару ночей скромную провинциальную девушку. В маленьком городке о таких событиях судачат даже коты, и мать Алисы вскоре уехала на заработки в Париж. Девочку оставила на попечении бабушки и крестного отца, но ребенку вдали от большого города было грустно, и в двенадцать лет она переезжает к матери в Париж. Школа? Школа через год забыла о ней, как и девочка о школе. Кто стал ее первым любовником (обувщик, пекарь?), доподлинно неизвестно, но, бросив занятия в школе, она недолго проработала на тяжелых работах в обувной мастерской, а затем в булочной и… устроилась в одну из многочисленных на тот момент мастерских Монпарнаса. Моделью. Позировать надо было ню (обнаженной), и, я бы сказал, судя по позам на рисунках, которые я в свое время видел, даже очень обнаженной. Так и родилась в неполных четырнадцать лет, может, самая известная модель первой половины XX века – Kiki de Montparnasse, или по-русски – Кики с бульвара Монпарнас. Женщина феерической притягательности и магнетизма. Узнав, чем занялась в столице Алиса, мать от нее отреклась, что никак не помешало Кики прожить яркую жизнь и навсегда войти в историю. Один из центров

[14] *Прен, Алиса Эрнестина (она же Кики с Монпарнаса) (1901 г., Шатийон-сюр-Сен, Кот-д'Ор, Франция – 1953 г., Санари-сюр-Мер, Вар, Франция) – французская певица, актриса, художница. Известна как знаменитая натурщица, модель сюрреалистов и художников Парижской школы. Символ богемного Парижа. Имела романтические связи со многими известными художниками и артистами и была их неизменной музой. Фоторабота с изображением Кики де Монпарнас «Скрипка Энгра» Мана Рэя в 2022 году побила рекорды на аукционе в Нью-Йорке.*

мировой живописи довоенной эпохи, район этого самого бульвара, увлекся Кики так, как не увлекался никогда и никем.

Говорят, что у нее был чрезвычайно бурный темперамент. Все возможно, но именно ей, музе «всех художников», приписывают знаменитую фразу: «Вы не сможете ни писать, ни понять меня как модель, не переспав со мной». Каково? Хаим Сутин, Модильяни[15], Фернан Леже[16], Моисей Кислинг[17], Фудзита[18], Пер Крог[19], Игорь Стравинский[20], Иван Мозжухин[21], фотограф Брассай[22], Пабло Гаргальо[23], Пабло Пикассо, Хемингуэй и еще десятки других. Она влюбляла в себя всех и со всеми переспала. Ее фотографировали, рисовали, ваяли в бронзе, стекле, дереве и писали, писали, писали портреты уникальной Кики с Монпарнаса. Книгу ее

---

[15] *Модильяни, Амедео Клементе (1884 г., Ливорно, Тоскана, Королевство Италия–1920 г., Париж, Франция) – итальянский художник и скульптор, один из самых известных художников начала XX века, представитель экспрессионизма. За время проживания в Париже он испытал влияние различных мэтров изобразительного искусства: Тулуз-Лотрека, Сезанна, Пикассо, Ренуара. В его творчестве присутствуют отголоски примитивизма и абстракции. Известные работы – «Невеста и жених», «Сидящая обнаженная», «Алиса», «Жанна Эбютерн».*

[16] *Леже, Фернан (Жозеф Фернан Анри Леже) (1881 г., Аржантан, Франция–1955 г., Жиф-сюр-Иветт, Франция) – французский живописец и скульптор, мастер декоративного искусства. В его ранних работах было заметно влияние импрессионизма. Далее стили, в которых работал – кубизм, геометрическая абстракция. Известные работы – «Город», «Большой обед», «Строители». Выполнял проекты декораций, костюмов для Шведского балета Ральфа де Маре, для балета Сержа Лифаря на музыку Риети «Торжествующий Давид», а также для балета «Стальной скок» Сергея Прокофьева в Театре Елисейских Полей.*

[17] *Кислинг, Моисей (Мойше Кислинг) (1891 г., Краков, Великое княжество Краковское, Австро-Венгрия–1953 г., Санари-сюр-Мер, Франция) – французский художник Парижской школы. Стиль пейзажей Кислинга похож на манеру Марка Шагала. Мастер по изображению женского тела, его сюрреалистические ню и портреты принесли ему широкое признание. Известные работы – «Кики де Монпарнас», «Соня», «Прованский пейзаж».*

[18] *Фудзита, Цугухару (Леонар Фужита) (1886 г., Токио, Япония–1968 г., Цюрих, Швейцария) – французский живописец и график Парижской школы, выходец из Японии. Также он творил в области фотографии, керамики, театра, кино и дизайна одежды. Создал собственный стиль, объединив в своем творчестве приемы японской живописи и гравюры с традициями европейского реализма. Наиболее известны его ню, многочисленные изображения кошек, портреты женщин и детей, а также автопортреты. Известные работы – «Автопортрет», «Маки», «Портрет Кики де Монпарнас», «Кошка с котенком».*

[19] *Крог, Пер Лассон (1889 г., Осгордстранд, Норвегия–1965 г., Осло, Норвегия) – норвежский художник, иллюстратор. Работал иллюстратором газеты, был преподавателем танго в Париже. Во время работы в газете выполнил множество рисунков, иллюстраций и плакатов, также работал над скульптурой и монументальной живописью. С 1955 года директор Национальной Академии искусств в Осло. Художник занимался также книжным иллюстрированием, в частности ему принадлежит графическая серия по «Пер Гюнту» Г. Ибсена. Одна из самых известных работ – фреска для Зала заседаний Совета Безопасности ООН в здании ООН в Нью-Йорке.*

[20] *Стравинский, Игорь Федорович (1882 г., Ораниенбаум, Санкт-Петербургская губерния, Российская империя–1971 г., Нью-Йорк, США) – русский композитор, пианист и дирижер. Один из крупнейших представителей мировой музыкальной культуры XX века. В его творческом наследии оперы, балеты, симфонии, кантаты и ораторио, концерты для солирующих инструментов с оркестром, камерная инструментальная и вокальная музыка. Творческую карьеру Стравинского подразделяют условно на три периода – русский, неоклассический и серийный. Известные работы: балеты «Весна священная», «Петрушка», Жар-птица»; оперы «Соловей», «Мавра»; духовная музыка – «Симфония псалмов».*

[21] *Мозжухин, Иван Ильич (1889 г., Кондоль, Российская империя–1939 г., Париж, Франция) – русский актер, сценарист, оператор и режиссер эпохи немого кино, работал также во Франции, Германии и США. Быстро добился успеха благодаря актерской выразительности и тому, что с легкостью менял амплуа – ему одинаково удавались и трагические, и комические роли, и герои-любовники, и гротеск. Известные работы – «Оборона Севастополя», «Жизнь в смерти», «Пиковая дама», «Белый дьявол».*

[22] *Брассай (Дьюла Халас) (1899 г., Брассо, юго-восточная Трансильвания, Австро-Венгрия, нынешняя Румыния–1984 г., Ницца, Франция) – венгерский и французский фотограф, художник и скульптор. Один из представителей документальной и сюрреалистической фотографии. Публиковал свои работы в авангардном сюрреалистическом журнале Жоржа Батая «Минотавр», а также в светском журнале «Лайф». Создал галерею фотопортретов современников – Пикассо, Дали, Матисса, Альберто Джакометти. В 1937 году он начал сотрудничать с издательством Harper's Bazaar, объединив принципы сюрреализма и модной фотографии. В 1974 году стал кавалером Ордена искусств и литературы, в 1976 году награжден Орденом Почетного легиона. В 1978 году получил в Париже Большую национальную премию по фотографии. Известные работы: фотоальбомы «Ночной Париж», «Граффити».*

[23] *Гаргальо, Пабло Эмилио (1881 г., Маэлья, Матаррания, Каталония, Испания–1934 г., Реус, Баш-Камп, Испания) – каталонский скульптор, близкий к кубизму, считается одной из главных фигур современной скульптуры в первой половине XX века. На протяжении всей жизни Гаргальо одновременно придерживался двух разных стилей: классического, связанного с модернизмом и новесентизмом, и авангардного стиля, в котором скульптор экспериментировал с новыми формами и материалами. Известные работы – «Маска мужчины», «Кики с Монпарнаса», «Пророк».*

воспоминаний сразу запретила цензура. Просто безоговорочно запретили, и все. Первое издание, кстати, с предисловием все тех же Хемингуэя и Фудзиты, вышло лишь в семидесятом году. Книга тут же была мной приобретена и даже сорок лет спустя после своего написания заставляла меня краснеть и мечтательно хихикать во время чтения.

Она пробовала петь (так себе), открыла свое кафе на Монпарнасе (не очень пошло) и в конечном итоге ушла из этого мира всего лишь в пятьдесят один год. Что случилось и почему так рано, я не знаю до сегодняшнего дня, но наркотики всех видов, болезни, алкоголь не могли ее перебороть лет двадцать. А потом сразу взяли верх. Везде и на всех фронтах. Особое место среди ее любовников занял великий Ман Рей[24]. Жаль, он умер несколько месяцев назад, я бы вас познакомил. Уникальная личность. Гений. Неповторимый выдумщик, творец и еще раз гений. На самом деле, как ты понимаешь, его звали Эммануэль Мейлахович Радницкий, род его из Ковенской губернии Российской империи. Местечко не помню, он что-то говорил, но я забыл.

Он познакомился в Нью-Йорке с Дюшаном[25] (писсуар Марселя Дюшана помнишь?) и Стиглицем[26] (наверное, лучшим фотографом своего времени), затем они основали дадаизм – литературно-художественное течение. Ничего особенного, но в историю вошли. Потом он загорелся авангардизмом, начал экспериментировать с фотографиями и коллажами и в тридцать лет, в 1921 году, бросил США, переехав в Париж. Ман Рей открывает здесь свое ателье, быстро зарабатывая грандиозный успех и… влюбляется в Кики. По уши. В течение следующих семи лет он делит ее со всеми, нет, это они все делят Кики с ним. Париж сходит с ума от этого треугольника: Ман Рей, Кики и весь бульвар Монпарнас. Ты будешь смеяться, но они по-настоящему любили друг друга. Нежно, страстно, открыто, не стесняясь, до одури. Это в припадке любви Кики водила его к девчонкам, а Ман Рей подкладывал ее под своих друзей на вечеринках. Они горели, как горит свеча с двух сторон, ярко, ослепляя собой все вокруг. Им завидовали и ими восхищались все, включая полицейских, официантов, таксистов, булочников и стекольщиков. А потом… потом закончились лучшие в их жизни семь лет, и любовь умерла. Как-то сразу и совсем. Как будто ее расстреляли за предательство. Осталось одно творчество. Потому что любовь творит сама, не спросив ни у кого разрешения, а художник лишь кисточка в ее руках. Фотографируя Кики, он очень преуспел. Его главный шедевр знаешь? Нет? Я скажу тебе. Это небольшая работа 1924 года (по моим меркам, тридцать на двадцать пять сантиметров), на которой, как ты уже догадался, его любовь. Она сидит к нам спиной, обнаженная до самой попы, чуть повернув голову в чалме влево. На ее талии прикреплены эфки. Хорошо, что ты знаешь, что это. Да, верно – это вырезы в верхних деках струнных инструментов. По форме

---

[24] *Ман Рэй (Эммануэль Радницкий) (1890 г., Филадельфия, Пенсильвания, США–1976 г, Париж, Франция) – французский и американский художник, фотограф и кинорежиссер. Представитель сюрреалистической фотографии и фотографии Нового видения. В 1999 году был признан журналом «Арт-Ньюз» одним из 25 наиболее влиятельных художников XX века. Стили, в которых работал – дадаизм, киноавангард, сюрреализм. Известные работы – инсталляция «Объект для уничтожения», фоторабота «Скрипка Энгра».*

[25] *Дюшан, Марсель Анри Робер (1887 г., Бленвиль-Кревон, Франция— 1968 г., Нёйи-сюр-Сен, Франция) – французский и американский художник, шахматист, теоретик искусства, стоявший у истоков дадаизма и сюрреализма. Благодаря оригинальности своих идей Дюшан считается одной из самых влиятельных фигур в искусстве XX века. Его творчество оказало влияние на формирование таких направлений в искусстве второй половины XX века, как поп-арт, минимализм, концептуальное искусство. Известные работы – инсталляции «Велосипедное колесо», «Фонтан», картина «Обнаженная, спускающаяся по лестнице».*

[26] *Стиглиц, Альфред (1864 г., Хобокен, Нью-Джерси, США–1946 г., Нью-Йорк, США) – выдающийся американский фотограф, галерист и меценат, один из крупнейших мастеров пикториализма. Сделал значительный вклад в утверждение фотографии как независимого искусства. Жанры, в которых работал – портрет, городской пейзаж, пейзаж. Стал первым фотографом, чьи произведения стали частью собраний ведущих музеев США и начали экспонироваться наряду с картинами знаменитых художников. Известные работы – фотографии «Конечная станция», «Зима, Пятая авеню». Фотография «Третий класс» («Пассажиры третьего класса») – одна из наиболее известных и важных работ раннего фотографического модернизма. В своей художественной галерее Стиглиц популяризовал новейшее искусство Европы того времени – живопись и скульптуры Сезанна, Родена, Матисса, Брака, Пикассо, Дюшана.*

вырезы напоминают латинскую букву f, отсюда и такое забавное название. Работа называется «Скрипка Энгра».

Реально, женская фигура Кики с этими штуками очень похожа по форме на скрипку. Когда фото опубликовал один из парижских журналов, разразился дикий скандал. Большей пошлятины не лилось на берегах Сены никогда. Там фигурировали и смычки, и сама игра на скрипке, и звуки, который женский «духовой» инструмент должен издавать. Все вертелось вокруг секса, как ты понимаешь. Это было ужасно. Но все читали, спорили, возмущались, читали и спорили снова. Сходились только в одном: создана главная фотография сюрреализма, его изнанка, его гимн. Вот так любовь двух человек вошла в историю искусств. А почему ты спросил?

– Просто так, что-то слышал и хотел побольше узнать. Прости, мне еще надо по делам в мэрию. Не добросишь?

Все мэрии в Париже очень величественны. Главенствует над всеми Hotel de Ville de Paris – мэрия Парижа, но остальные двадцать (по числу округов) тоже ничего. Здание, в которое я вошел, было прекрасно снаружи и загажено бюрократами изнутри. Ничего нет в мире хуже французского чиновника, хотя неправда, есть еще итальянский. Меня посылали подальше из кабинета в кабинет с моим мизерным, никого не обязывающим маленьким вопросом. Они убили во мне полтора часа времени и веру в людей.

Обессиленный, я присел на деревянную скамейку рядом с парой очень пожилых людей. Он был в костюме, синем баскском берете и с палочкой. Она без берета и палочки, но с болезнью Паркинсона. Пара сидела в очереди к мэру с жалобой на кого-то, кто назначил свадьбу их внучки на дату через восемь месяцев от сегодняшней. Милые старички боялись, что до наступления долгожданного дня они умрут, внучка родит, а жених уйдет. Не знаю, что меня кольнуло, но я задал вопрос старичку. Самое удивительное, что я немедленно получил точный и очень подробный ответ. Ну еще и пару советов.

Пожелав месье и мадам отвести правнуков в школу, тщательно записав всю информацию, я отложил свое расследование до завтра. Сегодня вечером по плану было кино и Даниэль.

На следующий день, кроме клиентов, опять приходили те, с кем Виктор ругался в прошлый раз. Сегодня все было спокойнее и тише. Гости принесли какие-то бумаги, и все вместе они обсуждали что-то вполголоса. До меня долетали обрывки фраз. «Уже лучше», «Но это невозможно», «Поймите правильно, мне надо быть уверенным». Ушли озабоченные, но без скандала.

Днем Пахомовы поехали давать какие-то объяснения в налоговую. Я ничего не спрашивал, они ничего не говорили. Но в три часа должен был прийти важный клиент, и хозяева решили, что я вполне освоился и справлюсь в магазине один. Они вернулись часа через три, и за это время я продал шашку в серебре, ковш, инкрустированный перегородчатой эмалью Грачева[27] и шесть красивых бокалов для белого вина. Торговля в этой галерее продолжала идти довольно бойко.

---

[27] *Грачёв Гавриил Петрович (серебряных дел мастер, ранее работал в фирме «Гассе») (1831–1873 гг., Санкт-Петербург, Российская империя) – основатель фабрики, фирмы. Имел клеймо с изображением своей фамилии. После его смерти в 1873 г. производство успешно продолжают его сыновья, открыв торговый дом «Братья Грачёвы». Художественные произведения их фабрики приобрели большую известность не только в России, но и за границей, где и пользуются значительным спросом. Известные работы – всевозможные золотые, серебряные и исполненные в гальванопластике вещи, сделанные на фабрике: церковная и столовая утварь, скульптура и чайные сервизы, в основном выдержанные в русском стиле и украшенные разнообразнейшими эмалями. Именно за свои украшенные эмалью и филигранью работы фирма «Братья Грачёвы» вполне заслуженно удостоилась на всемирных выставках медалей: бронзовой в 1893 году в Чикаго и золотых – в 1889 и 1900 годах в Париже.*

Вернувшись, хозяева получили мой полный финансовый отчет, похвалили меня, выдали премию, и тогда нежданно-негаданно Виолетта, бросив взгляд на лежащую папку с картинами, как бы невзначай задала вопрос:

– Как там продвигаются дела с Кики?

«Конченые свиньи», – подумал я о Пахомовых, но вслух говорить этого не стал.

– А почему вы сразу мне этого не сказали, когда давали папку в работу?

– Разве не сказали? Не может быть… Надо полагать, мы считали, что такой умный мальчик, как ты, должен знать, кто такая Kiki de Montparnasse.

Детская игра «Веришь – не веришь» в самом разгаре. Свиньи. Французские свиньи. С русским акцентом.

В награду за хорошую работу я получил свободных полдня и помчался в библиотеку.

То, что я искал, нашлось быстро.

Обожаю название этой улицы: «Ищи полдень» – rue du Cherche-Midi. Изумительно. Надо будет поинтересоваться происхождением названия. В доме номер пять по этой улице в галерее Au Sacre du Printemps с 25 марта по 9 апреля 1927 года проходила выставка работ самой Кики. «Вернисаж начинается в пять часов вечера 25 марта и закачивается в 12 ночи». Все хорошо, но зачем на афише «Черный квадрат» Малевича[28]? Непонятно. Ладно, не мое дело.

Занятное название галереи Au Sacre du Printemps – «Весна священная». У Стравинского есть такое произведение. Дядя говорил, что Кики была его любовницей тоже. Великий композитор был ходок! Кики, Шанель… А вот и каталог. Посмотрим. Это не то, это не то, это не… Стоп. Автопортрет самой Кики. На минуточку, фотография этого автопортрета у меня в папке. Это уже кое-что. Вывод достаточно прост. Коллекция картин из папки почти стопроцентно собрана из разных мест. По крайней мере, из двух. Что делать с этой информацией? Ничего. Пока ничего. Просто отложить в памяти. Просто отложить в памяти. Хотя там и так много чего лежит для моих двадцати…

Теперь надо бежать по адресу, который дал милый старичок в мэрии. Главное – не опоздать.

Опоздал. Посидеть, что ли, в «Ротонде» на бульваре Монпарнас и выпить там чашку кофе? Вдруг атмосфера что-нибудь подскажет. Посидел. Три кофе, салат, пирог с яблоками. И ни одной дельной мысли.

Утром я все-таки попал по адресу, выданному мне старичком. Лучше б не ходил. Теперь окончательно все запуталось. Снова вернулась куда-то отложенная на время мысль: пора делать ноги.

Месье Пахомофф Виктор Андре никогда не награждался ни орденом, ни медалью.

Около двенадцати мы поехали с дядей получать его «Альфа Ромео». Красивая машина. Красного цвета. Кабриолет. Не иначе как у дяди новая девушка. Седина в бороду, бес в ребро. Интересно, у меня будет красная машина в его возрасте?

Решено было покататься за городом и там же пообедать. Возражения не принимались, но, в целом, их и не было.

Прелестный ресторанчик с видом на лес и речку еще более приподнял хорошее настроение. Мне нужна была кое-какая информация, и хорошим настроением надо было воспользоваться.

– Скажи, а чем занялись все эти ребята, подпольщики и партизаны, после войны?

---

[28] *Малевич, Казимир Северинович (1879 г., Киев, Российская империя–1935 г., Ленинград, РСФСР, СССР) – российский, украинский и советский художник-авангардист, педагог, теоретик искусства, философ, основоположник супрематизма, одного из крупнейших направлений абстракционизма. Стили, в которых работал – импрессионизм, экспрессионизм, кубизм, футуризм, кубофутуризм, супрематизм, неопримитивизм. Известные работы – «Белое на белом», «Скачет красная конница», «Спортсмены», «Точильщик».*

– Хочу, чтобы ты понимал, это совершенно разные по характеру люди с весьма отличным психологическим состоянием. Маки – партизаны, практически военное соединение. Только прячутся в горах, лесах, заброшенных замках и фермах. Их задача – стрелять, взрывать, вредить. С ментальной точки зрения, это, как ни странно, более спокойное существование. Ты в своем мире, на фронте. Пусть хоть на маленьком, но на фронте. Ну, кроме связных, естественно, которым приходилось иногда выходить с подпольщиками на связь. А вот подпольщики – это другая история. Ты живешь среди одних врагов, ты опасаешься ареста каждый день, каждую минуту. Ты просыпаешься от любого шороха. Ты умираешь от страха, когда тебе стучат в дверь. А внешне ты живешь обыденной ежедневной, все той же, как обычно, судьбой инженера, учителя, адвоката, почтальона. Тебя кто интересует?

– Все интересуют. Только продолжай говорить.

– Те из подпольщиков, кто выжил, особой карьеры не сделали. Подполье было стратегически разделено на небольшие группы – ячейки. Технически так было легче выжить. Уничтожат немцы одну группу, где завелся предатель, и на этом все обрывается. Выжившие даже особо орденов и наград не удостоились. Да и связей во властных структурах у них не было. Даже наоборот – после окончания оккупации они страдали из-за своих подвигов. Работает, скажем, уборщицей или машинисткой некая девушка в каком-нибудь подразделении у немцев и тихонько сообщает информацию связному подпольщику: в ближайшую среду произойдет дислокация мотострелкового взвода немцев из деревни Ашер-ла-Форе под Фонтенбло куда-то на фронт. Что маки сделают с этой информацией, кто знает. То ли нападут на взвод, то ли пропустят. Не ее дело. Ушли немцы, единственный человек, который мог бы свидетельствовать о том, что она помогла Сопротивлению, или убит, или пропал. А ее судят – работала на нацистов. Если заподозрят, что спала с оккупантами, побреют налысо и выкинут на улицу. Многие кончали жизнь самоубийством. Ужасно несправедливо. Но это война. У бывших партизан все легче. Они всегда группой, и жизнь за пять лет научила их держаться вместе, иначе не выжить. Поэтому из них часто выходили известные политики, предприниматели, да мало ли кто. Мой приятель Алекс Москович[29], шалопай из Киева, когда наступил мир, сделал блестящую карьеру в политике. Даже был префектом Парижа одно время. А Шабану[30] вообще дали пост премьер-министра на три года. Классный парень, кстати. Зря ушел с премьерства. Он сейчас мэр Бордо. Тоже мило. Я занялся производством и торговлей, как ты знаешь. Многие мало-помалу устроились. Но это те, у кого были мозги.

– А у кого не было?

– Послушай, нам всем в среднем было от двадцати до тридцати пяти. Тем, кто младше или старше, прожить столько времени в лесу очень сложно. Ребята в основном провели свои самые лучшие годы с автоматом в руке. Ни образования, ни полезного опыта. Все, что мы умели – это стрелять из-за угла. В немца или в полицейского. Когда закончилась война, выяснилось, что они никому не нужны и толком делать ничего не умеют. Так и остались на улице.

– То есть?

---

[29] *Москович, Алекс (1911 г., Киев–1998 г., Париж, Франция) – французский политик и аналитик. Он также был соратником генерала Шарля де Голля. Почетный гражданин Парижа. Был награжден Национальным орденом Почетного легиона за успешные военные действия в тылу врага, на территории, оккупированной нацистами. 1965–1977 гг. – заместитель мэра Парижа и заместитель главы администрации Парижа. В 1991–1996 гг. – финансовый советник Отдела стратегического управления в сфере экономического планирования Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Свою концепцию современного архитектурного стиля Астана получила под влиянием мыслей и видений Алекса Московича об идее города будущего.*

[30] *Шабан-Дельмас, Жак (1915–2000 гг., Париж, Франция) – французский политик, премьер-министр Франции с 1969 по 1972 год при президенте Жорже Помпиду. Близкий соратник Шарля де Голля, участник движения Сопротивления. Представитель левого крыла голлистского движения. Бригадный генерал, участник Парижского восстания августа 1944 года. Выходец из Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, был членом партии де Голля (1948–1953 гг.), после ее распада возглавил парламентскую группу «социальных республиканцев», сохранявшую верность де Голлю. Почти полвека был мэром Бордо и депутатом от Жиронды (1947–1995 гг.).*

– Что то есть? Бандитами стали. Гангстерами. Кого-то потом убили. Кто-то жив-здоров и вырос в иерархии. Кто сидит. У всех по-разному. C'est la vie. Мороженое и домой?

На следующий день на работе я занимался классификацией гравюр, но тут приехали Паранки́ с Фабиани́. Оба выглядели как-то встревоженно. Меня отправили погулять до завтра. Очень кстати. В Париже в тот год были две женщины, способные мне помочь, и мне надо было подготовиться к встрече с каждой из них.

Моей первой и главной ставкой была Катя Гранофф – владелица главных галерей современного искусства во Франции и уж точно в Париже. Одесситка, из зажиточной еврейской семьи, они с сестрой Розой рано потеряли родителей. Опекуны отправили их в Швейцарию, но в 1924 году Катя перебралась в Париж. Уже в 1926 году Катя Гранофф создает свою первую галерею современного искусства и открывает французскому миру художника Марка Шагала. Ни много ни мало. Это был грандиозный и мгновенный успех. Успех, который никогда больше не покидал одесситку с трудным характером.

В самом начале оккупации Катя, ее сестра Роза, племянник и любимый художник (или просто любимый?) Жорж Буш бежали из Парижа. Туда, на юг, в провинцию Ардеш. Они поселились в заброшенном средневековом замке и сами стали крестьянами на несколько лет. Ардеш – центральная часть юга Франции, столетиями гонимого и ненавидимого Парижем из-за протестантов, населявших район, представляла из себя одну из самых бедных провинций страны. Катя считала, что немцы не придут в Ардеш. Они там просто умрут от голода и скуки. Эстет и художник Жорж Буш не выдержал жизни в изгнании и скончался в 1941 году. А что же холеная одесская барышня Катя Гранофф? Она закусила губу и выдержала все до дня победы. Выдержала для того, чтобы после войны окончательно завоевать Францию. Она сделала это, познакомив мир с десятками новых художников, которым ее галереи давали шанс, а чаще всего и билет в большую жизнь. В 1961 году она выпустила сборник стихов русских поэтов в своем переводе. До нынешнего дня этот сборник, за который Катя была удостоена безумно престижной литературной премии, считается венцом русско-французского перевода. Она знала всех, и все знали ее. Она любила Россию, а ее обожала Франция. И именно к Кате Гранофф я решил пойти со своей папкой «Кики Монпарнаса».

Колокольчик заставил даму в кресле взглянуть исподлобья на входящего в легендарную галерею юнца. Под мышкой у меня была папка с работами, в руке я держал большую охапку душистых чайных роз. Мы поздоровались, и дама снова ушла в свою книгу. Я начал осмотр картин в галерее, медленно передвигаясь от полотна к полотну.

Недалеко от стола, где сидела мадам Гранофф, я притормозил в созерцании абсолютно депрессивной картины художника Бернара Бюффе[31].

– Месье что-то ищет или просто интересуется живописью? – разговор начался по-французски.

– У вас есть ваза? – Это была домашняя заготовка. На русском должно быть полегче. – Этот букет для вас.

– Ваза есть. Но для тебя нет. Не стоило тратить деньги, мой мальчик. Ты художник? Покажи свои работы, и я скажу тебе, есть ли у тебя будущее или есть шанс записаться в профсоюз маляров. Между прочим, востребованная профессия. Дай сюда папку! Это же мое при-

[31] *Бюффе, Бернар (1928 г., Париж, Франция – 1999 г., Туртур, Франция) – французский художник. Широко признан за свои работы, несущие хмурое, меланхолическое настроение и отражающие атмосферу, царившую после Второй мировой войны. Известен своим четко выраженным зарисовочным стилем. Был близок неореалистическим тенденциям, однако критика чаще относила его к мизерабилизму. Работал в жанрах: религиозная живопись, пейзаж, натюрморт и портретная живопись. Создал более 8000 картин, а также множество гравюр. Известные работы – «Влюбленные», «Баррикады», «Пейзаж с зонтиками». Иллюстрации – к книгам Жана Кокто, Франсуазы Саган.*

звание – торговать картинами и выводить в мир таких стеснительных недоделков, как ты. У тебя есть девушка?

– Есть.

– Отдай ей цветы и скажи, что ты придурок. От моего имени. Не забудь. Я проверю. Дай сюда папку с работами. И не вздумай говорить, что ты с Одессы. Здесь этот номер не пройдет. У тебя московский акцент.

Я положил папку на стол. В животе заурчало от страха.

– Ты сошел с ума, мой мальчик? Как тебя зовут? Это же не твои работы. Так ты художник или сбоку припека? Ничего не понимаю. Что тебе нужно?

– Вы знаете эти работы? Я ищу человека, которому они принадлежали или принадлежат. Помогите, пожалуйста, речь идет о наследстве.

– Поняла. С этого надо было начать и не морочить мне и всей галерее голову. Дай посмотрю еще раз. Да. Три или четыре работы продала я. Но это было давно, в начале тридцатых. Здесь есть хорошие вещи. Сутин, Кислинг, если это Модильяни – здорово. Пикассо. Удачная работа. Я точно продала Хаима Сутина и Кислинга. По-моему, еще и эту. Это все, что ты хотел знать?

– Я не говорил, что я с Одессы. Просто лицо такое… А кому вы продавали работы, вы не помните случайно?

– Почему я должна что-то не помнить? Помню. Его звали Иосиф. Вот он был настоящий одессит, не то что ты. Он покупал у меня картины раз в год, не чаще. Милый парень.

– А фамилию помните?

– Зачем мне нужна была его фамилия? Иосиф, и все. Но я помню, что его прислала эта девочка из Кишинева. Дина Айбиндер. Теперь она grande dame – Дина Верни, Муза великого Майоля. Ей было четырнадцать, ему – семьдесят три. Каков поворот, да? Но она молодец. Я ее очень люблю. Сходи к ней от моего имени. Она помогает таким придуркам, как ты. Сейчас у нее в галерее выставка советских художников-нонконформистов. Я была. Очень познавательно. Скоро у нее еще один вернисаж. И приходи ко мне иногда поболтать. Но без цветов. Все, иди. Я занята. Стой, я кому сказала. Возьми журнал. Здесь целая статья о Дине. Придешь к ней в галерею, хоть будешь знать, с кем разговариваешь. Пока. Я занята. Хочешь, приходи в следующий четверг – попьем чаю. А теперь я должна закончить одну статью. Будь здоров. Как тебя зовут?

Надо было возвращаться на работу. По плану занятости: составление описи новой партии старого фарфора. Целый большой ящик. Но сначала чашка кофе и звонок.

В обмен на франковую монетку бармен выдал мне жетон и отправил в телефонную кабину в подвале кафе. В телефонном справочнике все было четко и ясно указано. Оставалось набрать номер.

– Мадам Верни? Добрый день. Меня зовут Александр, и я звоню вам от госпожи…

– Добрый день, дорогой. Катя мне уже позвонила. Ты занимаешься наследством Иосифа? Ты помощник адвоката? Похоже, я смогу тебе помочь. Приходи в галерею после восьми. Мы тут все сегодня до поздней ночи. Завтра вернисаж новой выставки. Но минут сорок для тебя я найду.

На работе было очень тихо. Виктор сидел на антресоли и что-то писал, Виолетта внизу разгадывала кроссворд, который в белой эмиграции назывался «Крестословица». Я поздоровался, приподнял неподъемную коробку с фарфором и начал раскладывать содержимое на своем письменном столе. Где-то на уровне солнечного сплетения я чувствовал, что до решения шарады и до развязки всей истории буквально считанные дни. Самое смешное заключалось в том, что я понятия не имел, что ищу, и почему во мне уже несколько дней живет состояние какой-то гнетущей атмосферы. В голове было страшно неуютно. Точнее, страшно и неуютно.

Магазин закрыли рано. Хозяева шли на концерт на Больших бульварах. Захватив с собой Катин журнал, я устроился с чашкой кофе и открыл прекрасный Paris Match.

Я думал, я знаю о ней все. Ничего подобного…

Дина Яковлевна Айбиндер родилась в Кишиневе в еврейской семье, поглощенной музыкой в прямом смысле слова. Ее отец был пианистом, мама – концертмейстером, тетя – оперной певицей. В 1925 году через Одессу, Варшаву и Берлин семья перебралась в Париж. В четырнадцать лет Дина познакомилась с великим скульптором целой эпохи – Аристидом Майолем и чуть ли не в один момент стала его музой. Ему было всего лишь семьдесят три, и, влюбившись в свою модель, он больше никого и ничего не видел и видеть не хотел. Дина была умной девочкой и сделала умопомрачительную карьеру. Она позировала Матиссу[32], Боннару[33], Дюфи[34]. Подружилась с Бретоном[35], Дюшаном, Поляковым[36], с Жаном-Луи Барро[37] (великим актером, сыгравшим главную роль, вероятно, в лучшем французском фильме XX века «Дети райка»), с Бертраном Блие[38]. Выступала в эстрадном коллективе «Октябрь», которым руководил знаменитый Жак Превер[39]. А в конце тридцатых вышла замуж за будущую звезду фран-

---

[32] *Матисс, Анри Эмиль Бенуа (1869 г., Ле-Като-Камбрези, Франция— 1954 г., Ницца, Франция) – французский живописец, рисовальщик, гравер и скульптор. Один из главных европейских художников периода модернизма. Стили, в которых работал – постимпрессионизм, фовизм, модернизм. Жанры – декупаж, пейзаж, живопись фигуры человека, натюрморт и портретная живопись. Известные работы – «Танец», «Красная комната», «Девушка с тюльпанами», «Радость жизни». Создал эскизы костюмов и декораций для балета «Песнь соловья» на музыку Игоря Стравинского в хореографии Леонида Мясина, а также эскизы декораций для балета «Красное и черное» на музыку Дмитрия Шостаковича. Вошел в историю искусства благодаря своему стремлению передавать эмоции через форму и цвет.*

[33] *Боннар, Пьер (1867 г., Париж, Франция–1947 г., Ле-Канне, Франция) – французский живописец и график, вошедший в историю искусства как один из величайших колористов XX века. Ключевая фигура постимпрессионизма, а также символизма. Писал пейзажи, натюрморты, животных, городские сценки, картины в жанре ню и портреты. Известные работы – «Упражнения», «Белый кот», «Сиеста», «Столовая на даче».*

[34] *Дюфи, Рауль (1877 г., Гавр, Франция–1953 г., Форкалькье, Франция) – французский художник, представитель фовизма и кубизма, а также импрессионизма. Приобрел славу также как иллюстратор и мастер декоративно-прикладного искусства, создававший рисунки для ковров, тканей, керамики. Известные работы – «Большой оркестр», «Ателье художника», «Казино в Ницце», «Барки и лодки».*

[35] *Бретон, Жюль Адольф Эме Луи (1827 г., Курьер, Франция–1906 г., Париж, Франция) – французский поэт, живописец и гравер натуралистического, реалистического направления. Работал в бытовом, портретном и пейзажном жанрах. Опубликовал томик стихов («Жанна») и несколько изданий прозы. В 1889 году Бретон стал командором ордена Почетного легиона, а в 1899 году иностранным членом Лондонской королевской академии. Известные работы – «Возвращение с жатвы», «Песня жаворонка», «Первое причастие».*

[36] *Поляков, Серж (Поляков Сергей Георгиевич) (1900 г., Москва, Российская империя–1969 г., Париж, Франция) – известный французский живописец, график, керамист, который стал важным представителем Парижской школы. Познакомился с В. В. Кандинским, Робером Делоне, под их влиянием пришел к нефигуративной живописи. В абстрактной живописи Поляков выработал свой узнаваемый стиль. Известные работы – «Абстрактная композиция» (1950 г.), «Без названия (желтое и черное)» (1952 г.). Командор ордена Искусств и литературы (1962 г.).*

[37] *Барро, Жан-Луи (1910 г., Ле-Везине, Франция–1994 г., Париж, Франция) – выдающийся французский актер, режиссер и артист пантомимы, работавший как на экране, так и на сцене. В 1940–1946 гг. в «Комеди Франсез» поставил «Федру» Расина, «Атласный башмачок» Клоделя. В 1945 году с огромным успехом сыграл мима Батиста Дебюро в фильме М. Карне «Дети райка» (по сценарию Ж. Превера). В 1946 году создал собственную труппу. Также возглавлял «Театр де Франс» в Париже, Театр Наций и руководил Школой драматического искусства.*

[38] *Блие, Бертран (1939 г., Булонь-Бийанкур, Франция) – французский кинорежиссер и сценарист, актер. Карьеру в кинематографе начал в 1963 году с картины «Гитлер? Не знаю». Широкую известность получил после выхода в 1974 году картины «Вальсирующие», которая также послужила толчком в карьере актеров Жерара Депардье, Патрика Деваэра. В 1977 году снял комедию «Приготовьте носовые платки», получившую премию «Оскар» за лучший фильм на иностранном языке.*

[39] *Превер, Жак (1900 г., Нёйи-сюр-Сен, Франция–1977 г., Омонвиль-ла-Петит, Франция) – выдающийся драматург, автор сценариев и создатель коллажей. Известен своими стихами, которые неоднократно публиковались в парижских журналах. Входил в театральную группу эстрадных агитаторов Французской коммунистической партии «Октябрь», писал для нее много едких, обличающих капитализм памфлетов, сценариев и стихов. Фильмы по его сценариям ставились знаменитыми режиссерами Марселем Карне, Полем Гримо: «День начинается», «Ночные двери», «Вечерние посетители». Фильм по его сценарию «Дети райка» жюри из 600 специалистов признало лучшим кинематографическим произведением века. Песни на слова Превера пели Ив Монтан, Эдит Пиаф, Симона Синьоре.*

цузского кинематографа, начинающего оператора, и вполне логично, выходца из России Сашу Верни[40]. Но все это блекнет по сравнению с тем, что ждало ее впереди.

Когда немцы вошли в Париж, ее отца депортировали в концлагерь. Он скончался в Освенциме, как и тысячи других несчастных, в 1943 году. Дина успела исчезнуть из Парижа и спряталась в замке все того же Майоля в городке Баньоле (юг Франции, Восточные Пиренеи), где в тайне от своего мэтра организовала очень эффективную и сильную ячейку Сопротивления и навела связь с марсельским подпольем. Одной из ее главных задач была переброска беженцев через горы в Испанию. Дину в скором времени арестовала французская полиция. Ей грозил концлагерь со всеми вытекающими последствиями. Вмешивается Майоль, освобождает обожаемую модель и подругу и от греха и границы подальше отсылает ее в Ниццу к своему другу Анри Матиссу. Но разве могла эта девочка спокойно завтракать, когда ее две любимые страны (Россия и Франция) в опасности? Она нелегально отправляется в Париж, чтобы создать там целую разветвленную сеть подпольщиков. Одним недобрым днем находится предатель, и в начале 1943 года снова арест. На этот раз все значительно страшнее. Дину Верни задерживает гестапо. Шесть месяцев тюрьмы, истязаний, пыток. И опять вмешивается Майоль. Он идет на беспрецедентную авантюру и едет в Берлин к коллеге, суперталантливому человеку Арно Брекеру[41]

[40] *Верни, Саша (1919 г., Буа-лё-Руа, Франция–2001 г., Ван, Франция) – французский кинооператор, снявший такие шедевры мирового кинематографа, как «Хиросима, любовь моя», «В прошлом году в Мариенбаде» и «Дневная красавица». В общей сложности работал на 70 полнометражных и телевизионных картинах. Две номинации на премию Сезар (1980 г., 1984 г.). Премии Каталонского МКФ в Ситжесе (1989 г., 1993 г., 1996 г.).*

[41] *Брекер, Арно (1900 г., Эльберфельд, Германская империя–1991 г., Дюссельдорф, Германия) – немецкий скульптор. Испытав французское влияние, стал в Германии одним из наиболее репрезентативных художников национал-социалистического режима. Работал под непосредственным покровительством Адольфа Гитлера. Работал в жанре монументальной скульптуры, стиль – монументальный классицизм. Известные работы – скульптуры «Десятиборец», «Победительница», «Дионис», «Прометей». После войны он выполнил также портретные бюсты Жана Кокто (1963 г.), Жана Маре (1963 г.), Людвига Эрхарда (1973 г.), Сальвадора Дали (1975 г.), Конрада Адэнауэра (1979 г.).*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.